

The background of the cover is a night scene on the sea. A large, bright, glowing moon is the central focus, partially obscured by dark, billowing clouds. The moon's light reflects on the dark water, creating a shimmering path. In the foreground, the dark silhouette of a ship's rigging and masts is visible against the moonlit sky. The overall atmosphere is mysterious and dramatic.

*превратности
судьбы*

6+

**ГАЛИНА
ГУБАЙДУЛЛИНА**

Галина Губайдуллина
Превратности судьбы

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Губайдуллина Г. И.

Превратности судьбы / Г. И. Губайдуллина — «ЛитРес: Самиздат», 2015

Реальные события крушения корабля «Гросновер». Цейлон. Местные в масках добра и зла танцуют возле огромной статуи Будды. А для Мирры меркнет свет, она видит мужа в обществе сомнительной дамы. Она с мужем возвращается на корабле «Гросновер» в Англию, проплывая мимо берегов Африки, когда из-за ошибки капитана судно идёт ко дну. Спасают не всех... Экипаж и пассажиры оказались между портом Элизабет и Дурбаном. Их ждут джунгли с хищниками, горы, реки с крокодилами, набеги местных зулусов, которые убивают мужчин и воруют женщин. Мирра живёт лишь надеждой на спасение... и ждёт третьего помощника капитана Рига, который надоедал ей на корабле объяснениями в любви, а после был всегда рядом, пока его не отправили искать буров – белых поселенцев. Спасёт ли её Риг? Что будет с выжившими?

© Губайдуллина Г. И., 2015

© ЛитРес: Самиздат, 2015

3 июля 1.782 года. Остров Цейлон. Анурадхапур. Вечер.

Англичане все в белом сидят на террасе за столиками, кто-то вкушает чай с молоком, а кто-то – рубиновый напиток с гибискусом. У женщин высокие причёски с обилием шпилек, у многих волосы посыпаны пудрой разных цветов или смазаны бараньим жиром. Несмотря на жару, модницы одеты в жакеты карако или поверх платья накинута длинная редингота. А у некоторых мужчин на голове помимо шляпы белые парики.

Сзади англичан находилась величественная статуя Будды в позе лотоса. Местная народность сингалы говорили, что этому изваянию не менее полторы тысячи лет.

На площадке местные темнокожие актёры в пёстрых одеждах танцуют, их лица спрятали маски – страшные и красивые. Сингалы разводили костры, блики огня красиво переливались на украшениях белых аристократок и загадочно играли на масках.

Помпезная блондинка Манелина Монк герцогиня Албемарль, в свои 32 года была прекрасна, она поясняла своей семнадцатилетней племяннице Александре Монк, которая не отличалась красотой, просто рыженькая особа с крупным носом:

–Страшные маски – это болезни и беды, а добрые – победы над ними.

Александра слишком живо для аристократки спрашивала тётю:

–Ваша Светлость, а правда, что где-то в середине острова похоронено тело Адама? Вот и Адамов мост здесь есть...

Манелина отвечала, многозначительно растягивая слова:

–На острове есть гора, именуемая Адамов пик, в её святость верят все: буддисты утверждают, что там жил Будда, индуисты говорят, будто это резиденция Шивы, а христиане уверены, что там был Адам. Сингалы рассказывают, что Адамов мост построил Рама, когда Шива украл его жену Ситу, построил при содействии обезьян, будто камни плавали по воде и парили в воздухе, как невесомые... Какие красивые сказки...

–Может, Рама обладал неизвестными технологиями, когда жила его цивилизация на Земле?– встала на защиту божеств девушка.

Манелина и её шестилетняя дочь Шерла округлили на родственницу глаза.

Тётка с сомнением вопрошала:

–Хочешь сказать, что всех эти статуи Будд ваяли древние цивилизации неизвестных гуманоидов?

Александра закивала.

Женщина, качая своим импозантным сердцевидным личиком, разубеждала её:

–Но Клавдий Птолемей нанёс эти острова на карту в 671 году и назвал их островами каннибалов потому, что здесь жили дикари, поедавшие плоть друг друга.

Диспут этого семейства слушала сидящая неподалёку баронесса Мирра Хэйвлок, красота этой двадцатилетней девушки со светло-каштановыми волосами с медным отливом олицетворяла собой спокойствие. Её тёмные длинные брови контрастно смотрелись над большими светлыми глазами, а выразительные розовые губы располагались на круглом подбородке. Но эта спокойная красота могла сразиться с крикливой, броской красотой и победить своими совершенными чертами. А рядом с ней, за соседним столиком, как раз и сидела такая яркая красавица-брюнетка с именем Винделия Клэймор. Шарм этой женщины выделял её из толпы, резко оттенённые глаза, губы выделены алой помадой. Презрительно-высокомерный взгляд. Все эти пикантности надолго оседали в памяти. Её происхождение всезнающие старушки подвергали большому сомнению.

Мирра обмахивала себя большим веером, её лицо исчезло за ворохом перьев.

Она едва не выронила веер, когда услышала голос мужа:

–Крошка, ты меня заждалась?

Но мужа рядом не было! Он сел к ней спиной за столик к Винделии.

Мисс Клэймор играючи ругала Персиваля Хэйблока:

–Котик, тебя, что, жена не отпускала?

–Что ты! Я покупал билеты на корабль. Жену я держу на расстоянии.

–Лгунишка.

–Вовсе нет. Благочестие и нравственность жён надо превозносить. Если дать женщинам свободу и сексуальную зависимость, то придётся спать с нелюбимыми жёнами, дабы они не убежали из дома в поисках любви. Мы теряем время. Пора в наше гнёздышко. Если тебе нравятся туземные танцы, я куплю парочку танцоров на час, пусть скрасят наш досуг.

Ударившей в неё молнии Мирра поразилась бы меньше, чем тому, что слышали её уши. Как может тот человек, которому она верила безгранично, так подло лгать? Разве это любовь, если кто-то из супругов бежит в объятия другого?

Мирра встала из-за стола и подошла к мужу, миловидному молодому человеку тридцати лет, его волосы уложены в модную причёску, над узкими губами цирюльник оставил тонюсенькие усы, его маленькие уши слегка оттопыривались, но не портили внешность.

Жена укоряла:

–А говорил: «Навсегда твой».

–Навсегда – это слишком долго,– повинно вздохнул Персиваль.

У Винделии от неожиданности и удивления круглые брови взлетели ещё выше, она глупо хлопала чёрными глазами.

–Хитрый, коварный, злой эгоист,– цедила Мирра, едва сдерживаясь.

Муж встал и взял жену под руку, уводя.

Винделия изо всех сил старалась не привлекать внимания публики. Она кивала чете Хэйблук, как хорошим знакомым.

Цветок кадупул зацвёл огромным белым соцветием и сразу же засох.

По дороге в гостиницу Персиваль старался успокоить жену:

–Я возвращаюсь всегда к тебе. Цени это.

–Так это не в первый раз?! Тогда я тоже найду любовника.

–С ума сошла?!

–Но я же вернусь к тебе.

–Не смешно пошутила. Я убью тебя, если ты мне изменишь.

–Тогда сиди всегда дома и ходи только со мной.

На улице на них стали оборачиваться. Аристократ повышал голос на белую леди!

Мужчина остановился и зло спрашивал у жены:

–Так я, по-твоему, должен безвылазно сидеть дома, как замурованная мумия в склепе?

У меня бизнес, друзья в клубах...

–И любовницы.

–А я не ограничен условностями быта. Быть надёжным и верным – глупо.

–Может, и в одежде ходить глупо? Пусть тело загорает! Зачем нам лишние условности общества?!

–Не перегибай палку. Я говорил о духовности.

–О какой духовности? Ты – пустой и мелкий!

–Точно говорят евреи: «Быстро узаконенная любовь ведёт к разводу»

–Какая любовь?! Нас свели, как двух такс по договору!

–Тем более, что ты хочешь от меня? Каких ответных чувств ждёшь?

Персиваль ушёл далеко вперёд. Мирра плелась сзади, и ей совсем не хотелось возвращаться в их съёмную квартиру.

Её муж остановился и сообщил:

–Иди в гостиницу одна, а меня ждёт Винделия.

И он скорым шагом вернулся на террасу.

Мирра пошла одна, слёзы обиды душили её. Она думала: «Мы поженились совсем недавно. Перси казался таким внимательным и влюблённым... Что же на самом деле сподвигло Хэйблока на этот шаг? Банальный расчёт? Моё приличное приданое? Жёсткое слово родителей? Скорее всего: все эти факторы заставили его связать себя узами Гименея. А вдруг он попытается меня отравить, чтоб избавиться от надоевшей, докучающей жены? И снова свобода, а с ней толпы других, наивных простушек с тугим кошельком, мечтающих выскокить замуж. Некоторых королей, судя по слухам, отравили мышьяком. Бабушка говорила, что мышьяк, кстати, совсем не распознаётся в острых блюдах. Почему в нашем обществе развод – это, прежде всего, позор для женщины? Бабушка даже не поддержит меня... Скажет, как и моей сестре, что мужа даёт Бог». Её успокоил тот факт, что Персиваль купил им билеты до Великобритании. Дома она что-нибудь придумает, как развестись с этим монстром.

Утром в спальню Мирры вошёл муж. Девушка причёсывала волосы.

–Тосковала по мне? Готовишься к плаванию домой?– осведомился с улыбочкой Персиваль.

–Тоска по дому? Да. Но только не тоска по тебе,– спокойно отвечала жена.

–О, наши отношения стали настолько прохладными, что возле Вас я боюсь остыть и заболеть гриппом,– отшучивался Перси.

–А Вы, мистер Хэйвлок, ждали прощения? Смешно. Доверие разбивается о ложь. Клятвopеступнику, который лгал у алтаря, не должно быть прощения.

–Мы разговариваем с разных позиций. Тебе не понять меня. Ты настолько фригидна, что не понимаешь, что секс может вызвать зависимость!

–Значит, чувства для Вас – ничто, Вам важнее удовлетворить похоть? Похоть, которую, как Вы говорили той особе на террасе, ни в коем случае нельзя иметь приличным жёнам?

–Ну, хочешь, я разожгу твою страсть?– лениво пообещал муж.

–Как Вы щедры!– рассмеялась Мирра,– Нет, спасибо, я лучше останусь холодной, чем позволю Вам прикоснуться к себе.

–Как Вам будет угодно,– буркнул Персиваль.

Он пошёл к дверям, но по дороге развернулся и зывал к разуму жены:

–Ты посмотри на главного самца-осеменителя в стаде любых млекопитающихся, у него тоже только одна любимая самка-жена, которая всегда рядом, и которую он любит больше всех.

–Это верно. Но также верно и то, что если любая женская особь его стада решит поменять самца, то осеменитель попытается предотвратить её бегство.

–Конечно, я не намерен с тобой разводиться. Я просто запрю тебя в Англии в нашем доме, и всего лишь,– кивнул Персиваль.

–Какой же Вы негодяй, барон Хэйвлок!

–Комары гуманнее женщин! Если уж пьют кровь, то перестают жужжать.

–Я пила Вашу кровь?– крайне поразила Мирра.

–Разумеется. Вот сейчас оскорбили. А до этого просили всякие там глупости из тканей и никчёмные побрякушки.

–У меня было приличное приданое! Имею право на покупки.

–Ваше приданое стало моим капиталом после свадьбы,– напомнил муж.

13 июня 1.782 года. В порту Тринкомали собрались многие английские аристократы, собравшиеся на родину. Грузопассажирское судно Ост-Индской компании «Гросновер» принимало на борт 150 пассажиров. Многие высокопоставленные чиновники и офицеры, у которых подошёл к концу срок службы в Индийской колонии, уезжали домой в Англию вместе с семьями, посетив ещё и колонию Голландии – Цейлон.

Задолго до пассажиров в специально оборудованную каюту загрузили серебряные слитки в количестве 1.450 штук, золотые слитки в количестве 720 штук, занесли в хранилище огромные сундуки с индийскими монетами и драгоценными камнями: сапфирами, изумрудами, бриллиантами на сумму 4 миллиона фунтов стерлингов. Посредине сокровищ стоял ценный груз в ящике – великолепный золотой трон, вывезенный из резиденции Великих Моголов из Дели, он выплавлен в виде нескольких павлинов, раскрытые хвосты которых сплошь покрыты драгоценными камнями. Оценка французского ювелира Тавернье этого чуда составляла 6 миллионов фунтов стерлингов.

Капитан Огастес Коксон русский мужчина средних лет со строгим выражением лица и налипшей чёлкой на лбу от жары стоял в окружении помощников и боцмана Хэнка Бэйла, офицеры приветствовали пассажиров.

Бэйл, 50 лет, брюнет с круглым носом и округлёнными бровями и глазами, проводив глазами очередную пассажирку, раздосадовано произнёс:

–Сколько женщин на корабле...

–Не каркай, боцман,– осёк его Коксон.

Второй помощник капитана Пэлэм Коуэн, брюнет с большим раздвоенным подбородком тридцати трёх лет, с улыбкой заметил:

–Нам, англичанам, как и цыганам, не сидится на месте.

Вычурно модное одеяние взошедшего на палубу Персиваля Хэйблока говорило о его развитом эгоизме. Его жена прилично отстала, но он даже не оглянулся. Он отдавал приказания носильщику: куда отнести багаж. Третий помощник капитана Риг Летбридж, симпатичный шатен двадцати семи лет, словно окаменел, сражённый красотой печальной Мирры.

Следом за Миррой, грузно ступая, перебирала толстыми ногами миссис Ванда Бистон, которая несла на руках чудного глазастого маленького примата без хвоста – лори. Её чиновник-муж Тревор Бистон ничуть не стеснялся своей увесистой супруги, он одной рукой придерживал толстушку, а другой рукой поправлял своё пенсне и сверлил противным недовольным взглядом команду «Гросвенора».

Пэлэм Коуэн высказал своё мнение, когда эта чета скрылась:

–Создалось впечатление, что мистер Бистон делал выбор жены спонтанно, необдуманно схватив первую встречную вертихвостку.

Капитан протянул:

–Ну, может, у этой девицы было приличное приданое.

Коуэн кивнул:

–Остаётся только на это надеется, иначе совершенно непонятно по каким критериям он её выбирал.

Риг Летбридж вышел из оцепенения и пошутил:

–Бросьте издеваться над инвалидом по зрению. Ему мельче особы просто не разглядеть.

–Кто ему бумаги-то ценные доверял,– развеселился боцман.

Летбридж продолжал потешаться над чиновником:

– Почему вы так категорично настроены против размеров миссис Бистон? Масштаб её телосложения смог бы заинтересовать любого фанатика-математика, математик с упоением будет измерять эти параметры линейкой и циркулем.

Морские офицеры едва сдерживали себя, чтоб не рассмеяться. Улыбки не покидали их лица. Им в ответ улыбнулась и проходящая мимо мисс Винделия Клэймор. Она подмигнула красавицу Ригу. Клэймор сопровождала полная чернокожая служанка Санга.

Капитан сразу серьёзно дал оценку этой особе:

–Эта женщина без намёка на благовоспитанность.

Второй помощник поддакнул:

–Да, говорят, у неё богатый покровитель. Вроде, как тот хлыщ, что недавно поднялся с женой.

Летбридж переспросил:

–Та девушка не сестра ему?

–Нет. Я вспомнил: барон Хэйвлок его фамилия.

Коксон пугал младший состав офицеров, провожая глазами Винделию:

–Эта дама представляет опасность для ваших кошельков, джентльмены.

Второй помощник закашлялся, когда прошла некрасивая, но очень горделивая дама – Ребекка Венаблез.

–Это не духи, а какая-то химическая атака,– пожаловался он.

Капитан заметил:

–И прошла она с таким выражением лица, будто объездила весь земной шар.

По трапу поднялся пожилой полковник Вильямс с женой-индуской.

До ушей третьего помощника капитана долетели слова усатого индуса-матроса с глазами навыкат Вишала Макха, который стоял навытяжку неподалёку и в полголоса говорил своему сородичу обаятельному Фарсадану Хаста:

–Успел ли ты заметить, как вытянулись презентабельные физиономии лордов, когда полковник Вильямс взошёл на борт с женой-индуской? И всем плевать, что в её жилах течёт королевская кровь, англичане ценят только свою цивилизацию.

На «Гросвеноре» половина матросов была набрана из индусов. И это не нравилось многим офицерам. Однако Летбридж относился к темнокожим лояльно.

Вечером сливки общества пассажиров собрались в столовой для офицеров. Люди без титулов не имели права обедать с капитаном.

Сиреневое платье Мирры прикрывал кардиган из фиолетового бархата. Весь ансамбль являл собой саму элегантность. Тогда как её муж был крикливо одет, словно сноб.

Леди и джентльмены пили для аппетита аперитивы: херес, мадеру или вермут. На столе было множество салатов и фруктов.

Кок-итальянец подал кавиоле.

Манелина спрашивала капитана, закатывая свои подведённые тенями глаза:

–Все на судне только и говорят, как о золотом троне. А я не знаю всех подробностей.

Коксон пояснял:

–В 1.737 году армия персидского завоевателя Надиршаха вторглась в Северную Индию. Трон попал к Надиршаху. После его убийства, потомки Надиршаха тайно продали трон представителям Ост-Индской компании.

Манелина сомневалась, надувая свои маленькие аккуратные губки:

–Так уж и продали?

–Если бы такой трон отняли с помощью оружия, сплетен и подробностей от очевидцев было бы предостаточно,– заверил капитан.

Риг Летбридж разглядывал большие, искрящиеся глаза Мирры, наивные, словно принадлежащие ребёнку. Оттенённые фиолетовой дымкой из тканей, глаза девушки, казалось, тоже излучали сиреневый оттенок.

С его языка слетело:

–Ваши глаза, как море...

–Такие огромные?– не поняла Мирра.

–Они удивительные, меняют цвет, как море, когда Вы взошли на корабль, то они были серые, а сейчас сиреневые...

–А бывают ещё зелёные и синие,– кивнула, улыбаясь, обладательница глаз-хамелеонов,– Всё зависит от освещения, и от цвета одежды.

–И море бывает разным: в ясные дни голубое, приветливое, в бурю – синее или чёрное, бывает зелёным и серым...

Мирра эротично приоткрыла рот, как бы удивляясь, и согласно кивала в такт его слов. И любовь налетела циклоном на Рига. Сокрушительным и безжалостным. Сломает ли его стихия любви к замужней даме или он полюбит эти неистовые порывы чувств?

Персиваль Хэйвлок сделал замечание Летбриджу:

–Ваши взволнованные комментарии, сэр, в данной полемике были неуместны, мы обсуждали трон Моголов.

–Комплимент красивой женщине всегда уместен,– встал на защиту коллеги капитан.

–Конечно,– подхватил Пэлэм Коуэн,– Особо ценный груз – это вы, красивые дамы, а не пресловутый трон.

Барон Хэйвлок парировал:

–И создал Бог женщину...Существо получилось неадекватное, но симпатичное...

–Я нахожу это соотнесение обидным,– высказалась его жена.

Миссис Ванда Бистон попыталась отвлечь всех, уговаривая дочь герцогини Шерлу:

–Деточка, ты совсем плохо ешь. Попробуй вон тот салатик.

Девочка рассуждала:

–Живот, безусловно, важное место у человека, там пудинги и фрукты помещаются, и среди всего этого где-то ещё и сердце прыгает. Наверное, еду проталкивает...Но я не хочу стать такой же объёмной, как Вы...А то сердце совсем надорвётся.

Взрослые рассмеялись. Смеялась даже сама Ванда, нисколько не обижаясь на ребёнка.

Мирра обратила внимание на Летбриджа, его лицо стало ещё более привлекательным, когда он улыбнулся: на щеках возле губ появились три небольших мимических бороздки.

Пэлэм Коуэн громко смеялся, через всю его щёку легла обаятельная полоска.

–Расскажите что-нибудь интересное из морской жизни,– попросила леди зрелых лет миссис Мэнди Уайт, щуя свои близорукие карие глаза.

Её непоседливый сын Вуди восьми лет, вертел головой, разглядывая новых для себя людей.

Огастес Коксон поведал:

–В молодости я ходил на китов. Так вот: язык голубого кита весит столько же, сколько весит слон.

–О, сколько же нужно силы, чтобы им пошевелить,– воскликнула Манелина.

–Но киты не разговаривают,– хмыкнула миссис Уайт.

–Язык жирафа почти полметра, я в Африке на них как-то охотился,– добавил Пэлэм Коуэн,– Жираф может достать языком до своего уха.

Дамы опять удивлялись, повар подал другое блюдо: устрицы под соусом.

Когда пассажиры покинули столовую, второй помощник капитана Коуэн заметил Летбриджу:

–Глупо влюбляться в пассажирку...Их у тебя будет оё-ёй!

Коксон вздохнул:

–Любовь всегда безрассудна. Её невозможно объяснить.

Его суровое лицо стало вдруг совсем печальным.

На небе было множество мелких облаков, словно Бог рассыпал свой небесный жемчуг, и теперь он сияет на радость людям.

С грацией истинных королевских кровей Мирра прошла по палубе кормы. Корма – это променада для аристократов, тогда как нос корабля – для плебеев. Её муж беседовал с мистером Бистоном на другой стороне кормы, изредка бросая косые взгляды то на жену, то на других дам.

Шерла спрашивала мать:

–Облака – это крылья ангелов?

–Наверное,– задумчиво говорила Манелина, глядя ввысь.

Миссис Мэнди Уайт обратила внимание пожилой дамы-шотландки Файфы Мак Фаден:

–Маркиза Ребекка Венаблез нацепила на себя грудку бриллиантов, задрала нос, воображая себя, если не красавицей, то хотя бы лакомым куском для потенциального жениха.

Миссис Мак Фаден кивала, соглашаясь:

–Да, у бедняжки великоват нос, слишком длинные губы, но всё это с лихвой компенсируется её приданым.

–Но будет ли верен муж такой нескладной особе?

–Это какой субъект попадётся... Сдаётся мне, что даже такая красавица, как баронесса Мирра Хэйвлок страдает от непостоянства муженька.

Риг Летбридж разглядел среди гуляющих по корме Мирру, оставил рулевого одного, и спустился на корму. Подошёл к миссис Хэйвлок.

Оглушил её вопросом:

–Можете мне крылья дать?

Не понимая в чём подвох, девушка переспросила:

–Хотите отсюда улететь?

–Хочу умчаться на крыльях любви в страну грёз.

–Аристотель был прав: остроумие – дерзость, получившая образование. Зачем Вы так шутите?

–Я не грублю и не шучу.

Разве мистер Летбридж не понимает, что ухаживать за замужней дамой неприлично?

Она в замешательстве лепетала:

–Это ужасно! Ужасны те слова, что Вы мне говорите.

–С каких это пор любовь причислили в разряд чудовищ?

–Не нужно рисковать здоровьем, и строить мне глазки, сэр; мой муж за нами наблюдает, а характер у него зверский.

–Спасибо, леди, за предупреждение, в мире расплодилось так много страшных эпидемий и кровожадных людоедов, что каждый гражданин просто обязан следить за своим здоровьем. Но я, к сожалению, выпадаю из числа благовоспитанных граждан, я люблю риск.

Барон Хэйвлок оставил чиновника Бистона и спешил к жене и её новому знакомому.

Мирра грустно поведала Ригу:

–В последнее время я не верю в любовь.

–Пифагор утверждал: «Через утверждение любви произойдёт улучшение человеческой природы».

–И это утверждение любви находится в Вашей каюте?

–Не думал, что Вы меня так низко оценили. Я восторгаюсь Вами. Я никогда не опустился бы до таких низких просьб.

–Тогда чего Вы хотите?

–Общения. Я очень рад нашему знакомству.

–Путешествие долгое, ничего страшного, что мы будем общаться, Вы развеете мою скуку.

Подошедший Персиваль перебил жену:

–А мужа, значит, не надо звать для дискуссий о скуке? Это в высшей мере неприлично, супруга.

–Не надо читать проповедь святому,– защищал Мирру Риг.

–Не корректно вступать в чужой разговор,– подхватила девушка.

–С каких это пор жена стала чужим человеком?– напирал барон,– И я что-то не понял: нынче, что, официальное обращение вышло из моды?

–Простите, барон,– склонил голову в поклоне Летбридж.

–А мне, право, надоели эти чопорные «сэр», «барон», «леди». Я за равноправное обращение,– заявила Мирра.

Перси удивился:

–Не знал, что взял в жёны смелую революционерку. Или ты – реформаторша?

–Ты слегка преувеличиваешь мою причастность к идейным пацифистам. Как, впрочем, я не отношусь и к бунтарям.

–Вот из таких сочувствующих особ потом и вырастают Бруты, кои меняют власть и уклад спокойной жизни.

–Перейдём теперь к твоим склонностям? Такие бабники, без преувеличений, благополучно переходят в разряд Казанов,– язвила жена.

Барон обратился к третьему помощнику капитана:

–Мистер Летбридж, не вижу необходимости в Вашем присутствии возле моей жены.

Риг с неохотой поднялся на капитанский мостик.

Персиваль рассуждал:

–Почему же мы не можем мирно сосуществовать? Конфликты вылазят из пустяков, и, обрастая невероятными обвинениями, становятся глобальными скандалами, превращая жизнь в истерические разборки отношений. Хочешь болтать с этим слащавым морским офицером? Ладно, болтай. Путь, действительно, не близкий. Но смотри: ничего лишнего.

–Твоё пренебрежение мною и увлечённость мисс Клэймор – не пустяки.

–Хочешь, я буду бегать возле тебя и прислуживать?

–Барон Хэйвлок опустится до дворецкого?

–Да, если ты захочешь.

–Было бы забавно посмотреть на это.

–Но с условием, что ты меня простишь.

–Я подумаю.

–Это жестоко.

–Жестоко притворяться милым и услужливым ради своих меркантильных целей? Я в свою каюту.

И Мирра ушла с палубы.

Винделия Клэймор обратила внимание своей служанки:

–Ой, смотри, вон Перси один остался! Пойду мимо пройдуся.

–Дайте шляпку поправлю. И вот этот локон достану, так завлекательней.

–Давай быстрее, вдруг мишень уйдёт.

–Бегите, бегите.

Винделия степенно, не глядя на объект обольщения, прошла мимо Персиваля.

–Мисс Клэймор,– окликнул её барон Хэйвлок,– Почему Вы проходите мимо?

Вуди Уайт крутился рядом с ними, но взрослые не обращали на мальчика внимания.

Винделия подошла к любовнику.

–Ах, Перси, Вы оправдали мои худшие опасения. Вы не отходите от своей жены. Мне так больно это видеть...

–Я бы летел к Вам, дорогуша, со всех ног, если б супруга не подрезала бы мне крылья. Она невыносима со своей ревностью.

–Не надо было в тот день возвращаться ко мне,– вздохнула Винделия.

–Но я так мечтал о Вас в тот день! Кстати, герцогиня Манелина Монк Албемарль очень хороша... Будь она не так родовита, я б с ней закрутил романчик...

–Ах, Вы шалун... Я могу и обидеться...

–В своё оправданье я готов оказать любые знаки внимания...

–Из всех знаков внимания я больше остальных предпочитаю денежные.

–Пройдёте в мою каюту, я рассчитаюсь с Вами за всё: за оскорбления, за невнимание и, конечно, за любовь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.